
С Е Р И Я

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

КНИГА, КОТОРУЮ ВЫ ДЕРЖИТЕ В РУКАХ, НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНАЯ.

Внутри нее спрятана еще одна книжка, дополнительная. Называется она «аристобук», то есть «улучшенная книга» (от греческого слова «аристос» — «лучшее»).

В конце каждой главы стоит вот такой знак:

Он не декоративный — он рассказывает и показывает о том, что не попало в роман, а находится *вокруг него*.

Чтобы знак ожил, нужно сделать следующее:

Установите на ваш смартфон или планшет специальное приложение Aristobook.

Ссылку на приложение Вы можете найти на сайте www.aristobook.com.

- Если у вас iOS устройство, скачайте приложение «AristoBook» в Apple App Store.
- Если у вас Android устройство, скачайте приложение «AristoBook» в Google Play Store.

Если у вас нет смартфона или планшета, не расстраивайтесь. Весь «аристобучный» контент романа постепенно будет появляться на сайте www.aristobook.com.

Теперь, когда вы установили приложение, наведите видеоискатель вашего мобильного устройства на **текст рядом со знаком**, прямо на этой самой странице.

Примерно вот так:

И удачных вам доброключений!

Борис Акунин и eBook Applications LLC

AristoBook для Android

AristoBook для iOS

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

**БОРИС
АКУНИН**

ДОБРОКЛЮЧЕНИЯ
И РАССУЖДЕНИЯ
ЛУЦИЯ КАТИНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Серия «История Российского государства»
издается с 2013 года*

Оформление переплета — А. Фerez

Иллюстрации — И. Сакуров

Заставки глав — И. Сакуров при участии М. Душина

Консультант по иллюстрациям — М. Черейский

Акунин, Борис

А44 Доброключения и рассуждения Луция Катина: [роман]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 288 с.: ил. — (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-082580-6

Этот роман, написанный в духе авантюрно-философских романов XVIII столетия, описывает захватывающую эпоху, когда человечество училось обустраивать общество, мыслить и любить по-новому. Что-то получалось, что-то нет, но скучно не было!

Внутри спрятана еще одна книжка, дополнительная. Называется она «аристобук», то есть «улучшенная книга»: впервые в издательской практике она снабжена уникальным аудиовизуальным контентом, считываемым смартфоном или планшетом при помощи бесплатного приложения.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

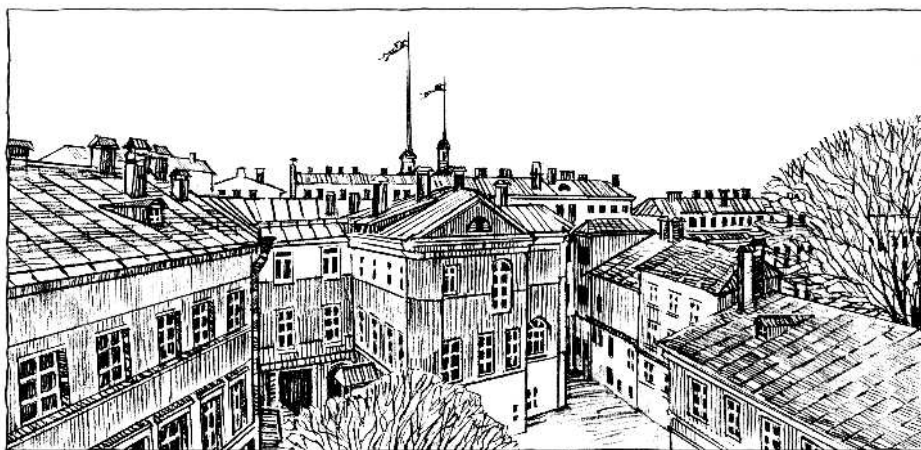
© В. Akunin, автор, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

**ПОД ЗНАКОМ
ВЕНЕРЫ
И МАРСА**

Глава I

Герой начинает свое жизнеописание, блистательно участвует в застольной беседе, небезвинно подвергается гонению и возвращается в естественное человеческое состояние

«Я появился на свет в июне, отчего ученый родитель думал наречь меня Юнием в воспоминание высоко естимованного им первого республиканца Луция Юния Брута, однако же приходской священник не сыскал в святцах такого мужского прозвания и отказался крестить под ним младенца, вследствие чего отец удовлетворился менее звучным Луцием, и меня ввели в христианский мир под вовсе немудрящим именем Луки.

Рождение мое было омрачено прискорбным событием, смертью матушки, которая успела еще увидеть свое чадо и даже, говорят, поцеловать меня, а после сразу же испустила дух, измученная, но довольная.

Смерть ее не была обыною, какая часто постигает несчастливых рожениц, но следствием обдуманного решения. Моя родительница, о которой я слышал от отца много удивительного, по своему телосложению не питала надежд на материнство, имея чрезвычайно узкие, мальчишеские бедра. Все лекари предупреждали, что она навряд ли сможет разрешиться от бремени. Посему — как со своим всегдашним

Воскресения и рассуждения Лукия Катина

почтением к физиологии еще в детстве рассказывал мне отец — они с супругой, пылкие и молодые, позволяли себе тешиться страстью лишь в те дни месяца, когда жены не могут понести. Однако на тридцать пятом году жизни матушка заболела чахоткою и, зная, что скорая смерть все равно неминуема, запутала доверчивого мужа в женском календаре и обеременилась. В последнюю пору своей жизни она говаривала, что чем долго и бесплодно умирать от кровохаркания, лучше уж смерть быстрая и к тому ж не напрасная, а производящая на свет новое существо. Подозреваю, впрочем, что занимало ее не столько новое существо, которого она знать не знала, сиречь моя скромная особа, а вдовство ее дорогого супруга. Должно быть, мать ласкалась надеждой, что, имея малютку сына, вдовец не позволит себе зачехнуть от горя. Это несомненно и случилось бы, так как сии супруги любили друг друга любовью, которой в мире почти что и не бывает.

Матушка была женщина умная, обстоятельная. Когда пришло время, в доме уже жил врач, умевший извлекать непроходного младенца через утробу посредством хирургической операции, которая спасает дитя, но обрекает роженицу на гибель вследствие истечения кровью.

Так и случилось, что я вышел на белый свет под ножом, из разверстого чрева, сопровождаемый столами матери и рыданиями отца. Произошло сие важное для нашей семьи, но нисколько не значительное для истории событие 18 июня 1733 года, в правление царицы Анны.

По двадцати лет службы переводчиком в Иностранной коллегии отец достиг обер-секретарского чина, то есть сделался особой восьмого класса и потомственным дворянином. Когда нашу фамилию, причисленную в ряд благородных, записывали в родовую книгу, он, по чудаческим своим убеждениям никогда не бравший и не дававший взятку, отступил от сего неукоснительного правила и дал протоколисту Герольдмейстерской конторы некую мзду, дабы сделаться из просто «Иноземцева» — «Иноземцевым-Катиным», в память о незабываемой супруге Кате, и в дальнейшем, знакомясь с новыми лицами, представлялся им лишь второю частью фамилии, к чему с детства приучил и меня. Так вышло, что, явившись в мир Лукой

Иноземцевым, ныне я зовусь Луцием Катиным, каковое имя, по видимости, и будет высечено на моей гробнице в предназначенное Судьбою время.

В день пятнадцатого моего рождения отец обратился ко мне с речью, которую я не позабуду до окончания своих дней.

«Сын мой, я ведаю, что много виноват пред тобою. Хоть я и заботился о твоём воспитании столь усердно, сколь мог, никогда я не мог любить тебя всем сердцем, ибо оно разбилось, когда ты стал безвинным поводом кончины твоей матери. Все последующие годы я не жил, но лишь исполнял обещание, данное на смертном её одре, — не покидать тебя до зрелого твоего возраста. Ныне ты перешел из отроческого состояния в юношеское, и обет мой исполнен. Знай, что я не оставляю тебе никакого земного состояния. Я продал наш дом и все скромное наше имущество, дабы внести плату за твоё обучение в гимназическом пансионе Академии-де-сиянс, где в течение трех лет ты будешь получать кров, стол и самое главное — знания. Это лучшее из всего, что я могу тебе предоставить для жизненного похождения. Будь храбр с людьми, а более всего с самим собою; не гнись перед сильными и не сгибай слабых; обзаведись убеждениями и не предавай их; когда же вблизи засияет счастье, а это непременно случится, умей его распознать и держись за него крепко. Меня же прости. Ныне отпущенный, желаю воссоединиться в космическом эфире с тою, которая давно меня ждет».

Выслушав сие напутствие, более уместное не для нашего практического столетия, а для древних стоических времен, я испугался. Разговоры о «космическом эфире», куда попадают души умерших, случилось мне слышивать и раньше. Знал я и что мой любомудрый pater слов на ветер не бросает. Всю ночь я провел под дверью его спальни, подглядывая через щелку, не намерен ли он испить яду по примеру любимого им Луция Сенеки, второго моего тезоименитца. Ничего подобного не воспоследовало. Легши и загасив свечу, отец крепко заснул и более ни разу не пошевелился. Но когда на рассвете, наконец обеспокоенный этой недвижностью, я осторожно приблизился к постели, то нашел его бездыханным, с застывшею полуулыбкой на холодных устах. Яков Иноземцев-Катин переместился в иное, непо-

Водопоклонения и рассуждения Луция Катина

стижимое земному разуму пространство, которое для смертных суть лабиринф и загадка. Тленная, малозначительная часть счастливого покойника нашла мир в могиле, где обретались останки той, по ком он столь неутешаемо тосковал. Вот каков был мой производитель на свет, нимало не схожий с другими отцами.

Ныне оба мои родителя парят в космическом эфире, я же пока обитаю на низменной земле, где меня манят, всяк в свою сторону, два здешние эфира, противоборствующие и несовместные. Один — Флогистон, жаркая и летучая субстанция сердечной чувствительности; другой — Рационий, холодный и беспощадный флюид умопклонства. Чей зов окажется сильнее, ведает один Зиждитель, то есть никто не ведает, ибо современную наукой установлено, что никакого Бога нет, а есть лишь Природа и слепой Фатум».

Дописав эту фразу, чрезвычайно ему понравившуюся умудренностью, Луций перечел зачин своего жизнеописания, присыпал страницу сеяным песком и сдул. Идея регистрировать события, впечатления и размышления пришла ему в голову не далее как нынче утром, и молодой человек, в котором склонность к неспешному умствованиему соседствовала с быстротой поступков, сразу же взялся за дело. Пока писал, успел и поднять глаза в потолок, и вздохнуть, и даже смахнуть не единственную слезу, но закончил с улыбкой. Он еще присовокупил на титульной странице превосходное название: «Приключения и рассуждения Луция Катина под знаком Венеры и иных божеств в различных землях, водах и эфирах», хоть пока никуда еще не странствовал и никаких вод, кроме невских, не видывал.

Размяв затекшие от сидения члены сладостным потягиванием, молодой человек подошел к окну и распахнул раму, впуская холодный воздух. Куцый ноябрьский день уже клонился к исходу.

Подошло время предвечернего туалета, который у Луция был поспартански прост. Снаружи на подоконнике ждал кувшин с водой, подернувшейся тонкой ледяной коркой и поблескивавшей снежинками — в городе уже установилась зима. Нисколько тем не смутившись, юноша скинул жилет и рубаху, разбил лед и, окуная мочалку, стал с наслаждением обтираться, еще и покрывал. Сызмальства

приученный к телесной стойкости, он никогда не мерз, даже в мороз ходил без шубы и в самой легкой шапке.

Предаваясь гигиенической процедуре, Луций смотрел не вниз, во двор, представлявший собой зрелище прозаическое (конюшня, хлев, запятнанный навозом снег), а вверх, в петербургское небо прекрасного серого оттенка. Жительство в чердаке, определенное скромной позицией домашнего учителя, нашего героя не печалило, а радовало: выше были только светила да надкрышные трубы.

Одна из сих труб, возвышавшаяся на кровлей противоположного флигеля, вдруг привлекла внимание Луция неким шевелением. Удивленный, он опустил взор от облаков чуть ниже и увидел, что из-за кирпичной грани высовывается краешек белого кружевного чепца. Такой носила только одна из обитавших в усадьбе особ, а именно Луциева ученица Ульрика Карловна, по-домашнему Ульхен.

Катин и раньше, случалось, ловил на себе ее особенный, украдочный взгляд, но чтобы вылезти на крышу и подглядывать за умыванием учителя — такого еще не бывало. Иль, может быть, он просто не замечал?

Луций поскорее прикрыл окно, задвинул занавеску, вздохнул. Девушка трудного пятнадцатилетнего возраста, отец ее груб и бесчувственен, у мачехи ветер в голове. Полусирота заслуживает компасии, однако ж вояжам на крыше следует положить предел. Не дай бог поскользнется на обледеневшей жести...

Педагогическая наука не давала инструкций, как вести себя в подобной оказии. Надо будет найти у Руссо то место про одоление низменных инстинктов и прочесть Ульрике Карловне на уроке французского, но с самым невинным видом, поделикатнее, дабы не ранить юную душу. Удовлетворенный этим решением, Луций оделся и вышел на узкую лестницу. Было время ужина, о чем требовательно напоминал здоровый молодой стомах.

В доме Буркхардтов с учителем не церемонились, обычно он стоял на кухне, со старшею прислугой, чем нимало не печалился, ибо общество хозяина не доставляло юноше никакого удовольствия, а близость хозяйки порождала неловкость. С дворецким Францем Гиацинтовичем и старшей горничной Федотьей Ивановной куша-

Вдохновения и расщепления Луция Катина

лось проще и спокойней, пища была здоровей, да и беседа оживленней, но сегодня учитель не обрел этих простых радостей. На ступеньках его остановил комнатный лакей и передал распоряжение господина полковника: одеться в праздничное, зайти за барышней и вместе с нею тотчас же быть к ужину.

Луций догадался, в чем причина. Давеча во двор въехала нарядная карета четверкой. Стало быть, пожаловал какой-то важный гость и полковник желает распустить перед ним хвост: показать, что держит в услужении человека, знающего языки и науки. Учителя звали к господскому столу только в таких случаях.

Делать нечего. Луций вернулся в комнату, надел свой голубой, совсем немного истрепавшийся на обшлагах камзол, повязал галстух, переобулся в башмаки с посеребренными пряжками, расчесал волосы и перевязал их сзади лентой. Парика он не носил, однако длинные, самою природой завитые золотистые локоны, слегка подкрученные на висках, отлично сходили за букли. Глаза у молодого человека были синие и ясные, только очень уж большие и далековато расставленные, а из-за широких скул вовсе казавшиеся в пол-лица. Это, пожалуй, придавало Луцию некоторое сходство с котом.

Юноша провел перед зеркалом изрядное количество времени, так как считал уход за внешностью долгом всякого цивилизованного человека, и когда наконец спустился в бельэтаж за ученицей, та уже ждала его в дверях светлицы с нахмуренными бровями. Выходить к гостям без сопровождения юной барышне было бы неприлично, и Луций подумал, что Ульхен сердита от нетерпения, но ошибся.

— Я знаю! — воскликнула медхен, блестя глазами. Она быстро обучилась чисто говорить по-русски, не то что ее солдафон родитель. — Вы сейчас будете стыдить меня! Вы видели меня на крыше!

Смущенной она не выглядела. Смутился Луций.

— За что же вас стыдить? — пролепетал он. — Вы, верно, желали полюбоваться небом...

Но девица была с характером. Предложенной уловкой она не воспользовалась.

— Ничего подобного! Я даже рада, что всё раскрылось!

— Что «всё»? — удивился Катин.

— Что я подглядываю за вами! Каждый день! И утром, когда вы делаете гимнастические экзерциции в одних подштанниках! Желаете знать почему?

— Нет! — малодушно воскликнул он, но решительную барышню это не остановило.

— Потому что я безумно обожаю вас! Меня кидает в дрожь, едва я вас увижу! Вы — единственный резон моей злосчастной жизни! — На глазах у Ульрики Карловны выступили прекрупные слезы. — А ежели я для вас только девчонка, то так и знайте — я жить не стану! Пусть лучше Всевышний призовет меня в свои недра! Я не нахожу более ничего, что меня прельщало бы на сем свете!

— Погодите, — попробовал остановить ее изливания Луций. — Это же строки из «Клариссы», которую мы с вами давеча читали в русском переводе. Право, я более не стану знакомить вас с современными романами. Под их воздействием вы выдумываете себе чувства, каковых по вашему детскому возрасту испытывать еще не можете. Точно так же я в четырнадцать лет вообразил, что влюблен в соседскую булочницу-чухонку.

Но барышню было не сбить.

Возрождения и расщепления Луция Катина

— Да! Я говорю словами из романа! — в запальчивости вскричала она, блестя мокрыми глазами. — Однако если я не могу сыскать подлинных слов, это не означает, что у меня нет подлинных чувств!

Невзирая на щекотливость ситуации, педагог в Катине не мог не отметить, что это недурно сказано, и мысленно поставил ученице «весьма похвально».

— ...Вы молчите... — всхлипнула Ульрика Карловна. — Ах, я знаю, в чем дело! Во всем виновны эти проклятые прыщи! — Она раз и другой сильно шлепнула себя по щекам, в самом деле украшенным обычной подростковой сыпью. — Я погибла, коль вы не ответите мне взаимностью...

И тут же, безо всякого перехода, обратилась от девичьей меланхолии к холерическому припадку:

— Нет, я догадалась! Причина вашей холодности — моя мачеха! Эта мерзкая сарделька завладела вашим сердцем! Я убью ее и себя!

Здесь Луций пришел в еще большее смятение, ибо догадка буйного ребенка была не столь далека от истины. Госпожа Буркхардт, немного напоминавшая упомянутое колбасное изделие розовостью пухлого лица и приятной округлостью форм, действительно имела некоторую власть — пускай не над сердцем, но над физической оболочкой нашего героя.

Потому, не желая оборота жаркой беседы в опасном направлении, он поспешно сказал:

— Помилуйте, Ульхен, я сердечно вас люблю...

Девица вновь обнаружила способность к радикальной смене эмоций. Просияв, она схватила учителя за руки и возопила:

— Коли так, обними же меня, сердешный друг! Знай, я уж всё продумала. Ночью мы бежим в Гатчину, а домашним оставим записку, что утопились в Неве от невозможности сочетаться узами. Сами же снимем хижину и будем жить в лесу, как Дафнис и Хлоя! Я натаскала у папеньки денег, целых тридцать рублей!

Бедный Луций не знал, как на это отвечать, и лишь тщетно пытался высвободить стиснутые пальцы. Спас его все тот же лакей, присланный хозяином поторопить дочь.

— Сударь, стол уж накрыт. Барин гневается.

И Ульрика Карловна сразу обратилась в благовоспитанную немецкую барышню. Пошла вперед чинными шажками, потупив взор и сложив руки поверх батистового передничка, обязательного для добропорядочных девушек. Однако губки Ульхен были плотно стиснуты, а щечки ярко-розовы, и Катин знал, что опасный разговор будет иметь продолжение. В Гатчину, положим, с этой взбалмошной фрейлейн он не побежит, но как прикажете после случившегося учить ее латинской грамматике, русскому письму и французскому разговору?

* * *

Важным гостем оказался бывший сослуживец хозяина по прусской армии, адъютант короля Фридриха господин фон Кауниц. Он прибыл в российскую столицу с миролюбивым письмом от своего монарха. Два месяца назад Россия объявила войну Пруссии, которая напала на союзную нашей державе Австрию, но пока что сражались между собой только немцы, а государыня собираться с походом не торопилась, и у короля оставалась надежда на примирение.

Именно это объяснял хозяину герр фон Кауниц, когда Луций и его воспитанница вошли в столовую. Остановившись на пороге, они стали ждать, чтобы полковник удостоил их внимания. Порядки в семье Буркхардтов были военные.

Еще двое присутствующих, супруга полковника и его ординарец поручик Бозе, участия в беседе не принимали: Анна Леокадьевна по плохому знанию немецкого, а поручик по неразвитости ума. С этим клеветом полковник почти никогда не расставался: на службе — потому что за три года Буркхардт не выучил и двадцати русских слов и Бозе, родом лифляндец, состоял при нем переводчиком; дома же сии неразлучные аяксы вместе пили пиво, курили длинные трубки и азартно играли на биллиарде. За выигрыш поручик получал полтину, за проигрыш — пинок под зад, после чего оба залиvisto хохотали. Такое времяпрепровождение бравым кавалеристам никогда не наедало.

Наконец Буркхардт молвил: